

МАСОНСКАЯ ЛОЖА ВЕЛИКИЙ СВЕТ СЕВЕРА И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ (1922-1933 ГГ.)

А.И. Серков

История русской эмиграции в Германии неоднократно становилась предметом изучения¹. Однако один из аспектов жизни русской колонии в Берлине, а именно – деятельность русской масонской ложи в столице Германии еще не привлекала достаточного внимания исследователей. Еще предстоит изучение связей членов ложи с кинематографическим миром, музыкальной культурой, общественной мыслью. Сейчас же, попытаемся взять лишь один аспект – связи берлинских масонов с русской литературной жизнью, поскольку без понимания масонских, и часто личностных, «наслоений» невозможно понять историю ключевых литературных объединений в Германии, например, «Веретена», «Медного всадника», историю таких газет, как «Руль», «Наше слово».

Во время Второй мировой войны документы масонских лож целенаправленно собирались фашистами и должны были составить основу «института по изучению иудео-масонских деятельности». Документы со всей Европы были свезены в один из моравских замков, а в конце войны захвачены советскими войсками. Масонские документы составили основу Особого архива КГБ СССР, находившегося в Москве. В конце 1950-х годов начался процесс передачи документов из Особого архива в страны, откуда они были вывезены. В частности большинство масонских немецких фондов было возвращено в ГДР, но в Москве были оставлены некоторые документы, связанные с Россией. С изменениями в стране Особый архив был переименован в Центр хранения историко-документальных коллекций, а в конце 1990-х объединен с Российским государственным архивом. Именно в этом архивохранилище в настоящее время и хранится уникальный по полноте и сохранности архив русской эмигрантской ложи Великий Свет Севера в Берлине².

Еще в императорской России в С.-Петербурге-Петрограде предпринимались попытки со стороны немецких вольных каменщиков создать масонскую ложу. Одна из первых подобных попыток была предпринята в 1904 г. немецким генеральным консулом в С.-Петербурге Ю. Германом³. Однако лишь летом 1918 г. Ю. Герману удалось создать

---

¹ О русской эмиграции в Германии см., например: Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Würzburg, 1966; Hermann P. Verfassungs-politischen Vorstellungen der russischen Emigration. Köln, 1967; Williams R. C. Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881-1941. Ithaca; New York; London, 1972; Beyer T.R., Kratz G., Werner X. Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem ersten Weltkrieg. Berlin, 1987; Russen in Berlin: Literatur, Malerei, Theater, Film, 1918-1933/ Hrsg. von Fritz Mierau. Leipzig, 1990; Böhming M. Das russische Theater in Berlin 1919-1931. München, 1990; Dodenhoeft B. «Lasst mich nach Russland heim»: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. Main etc., 1993; Russische Emigration in Deutschland, 1918 bis 1941/ Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin, 1995; Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918-1941/ Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin, 1999 (последняя книга далее упоминается как Хроника).

² Подробнее о деятельности ложи см.: Серков А. И. История русского масонства (1845 – 1945). СПб.: изд-во им. Н.И. Новикова, 1997.

³ Подробнее биографии масонов (прочим известным лицам посвящены отдельные примечания), упомянутых в статье, см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731 – 2000 гг.

масонский кружок, который заседал в отеле «Англетер». Уже к сентябрю 1918 г. в кружке были созданы два отделения: русское и немецкое. Председателем кружка и руководителем немецкого отделения являлся Ю. Герман, а русского – А.П. Веретенников, который был посвящен в масонство еще в апреле 1917 г. в петроградской ложе Карма, работавшей под руководством французского оккультного Ордена Рыцарей-Филалетов и под председательством великого князя Александра Михайловича. Хотя состав общества (кружка) Друзей масонства был неоднородным, но еще в России лица с консервативными взглядами занимали руководящие посты в организации. Деятельность кружка Друзей масонства не продлилась долго и из-за преследований большевиков в 1919 г. кружок-общество был закрыт, но основа для немецко-русской ложи была уже заложена.

Встретились бывшие петроградские масоны уже в Берлине. В апреле 1920 г. в пригороде Берлина Вильмерсдорфе начались заседания Объединения русских масонов, руководителями которого вновь стали Ю. Герман (в то время руководитель одной из берлинских лож) и А.П. Веретенников. После того, как в местных ложах прошли масонское посвящение некоторые бывшие российские подданные, 16 января 1922 г. в Берлине была создана самостоятельная русская ложа, получившая название Великий Свет Севера. До закрытия указанной ложи в 1933 г. её членами было около 100 человек. Основу ложи составляли бывшие дипломаты, коммерсанты, банкиры, но были в ложе и представители «свободных профессий».

Одним из основателей русской ложи в Берлине стал адвокат, доктор медицины, видный общественный деятель М.С. Маргулиес. Помимо участия в многочисленных организациях М.С. Маргулиес занимался и литературой: еще в России он был участником собраний «Бродячей собаки», затем сотрудничал в «Иллюстрированной России», стал автором мемуаров. В период создания русской ложи в Берлине, в 1920 г., М.С. Маргулиес также стал председателем Союза русских литераторов и журналистов, т.е. получил возможность привлекать возможных вольных каменщиков из среды писателей. При основании ложи Великий Свет Севера М.С. Маргулиес занял в ней посты «русского оратора» и приговорителя, а по существу возглавил «демократическую» группу в ложе.

Особенно активен был М.С. Маргулиес в ложе в 1922 г., именно в это время он пытался привлечь в ложу своих бывших «братьев» по политическому Великому Востоку народов России. В частности М.С. Маргулиес пригласил в берлинскую ложу в качестве посетителя писателя Вас. И. Немировича-Данченко, жившего до переезда в Прагу один год в Берлине и бывшего членом Союза русских писателей в Германии. М.С. Маргулиес также пригласил в ложу юриста, журналиста и видного политического деятеля В.Д. Кузьмина-Караваева и писателя М.А. Алданова. Последний в 1922-1924 гг. жил в Германии, был членом Союза русских писателей в Германии, выступал с докладами в «Доме искусств», а в 1923 г. редактировал литературный отдел (воскресное приложение) «Дней». Привлек М.С. Маргулиес в ложу и видного кинематографического журналиста, а впоследствии «советского патриота» А.А. Морского (Гринберга). Рекомендовал М.С. Маргулиес к посвящению в масонство и присяжного поверенного и мемуариста Б.А. Гершуна.

Несмотря на активность, М.С. Маргулиес не смог изменить доминирующих настроений в ложе и привлечь в её ряды «демократов», хотя в 1922-1923 гг. потенциальные союзники М.С. Маргулиеса жили в Берлине. Например, масон В.М. Зензинов возглавлял в Берлине Комитет (Общество) помощи русским политзаключенным, а участница деятельности политических лож в России Е.Д. Кускова с этим Комитетом сотрудничала.

Одной из причин неуспеха М.С. Маргулиеса было то, что он не входил в ряды Партии народной свободы, а потенциальные масоны «демократического» направления объединялись именно вокруг этой политической организации. Например, в 1920 г. в берлинской группе этой партии работали Б.А. Гершун, М.Д. Ратнер, в 1921 – В.Е. Татаринцов (секретарь группы). Сторонники П.Н. Милюкова (кстати сказать, противника политического масонства) заняли в Берлине в 1921 г. и ключевые посты в газете «Голос России», назовем в числе других масоноручководителей издания С.Л. Полякова-Литовцева и Л.М. Неманова. В 1922 г. в Берлине была создана и демократическая группа Партии народной свободы. Ее секретарем стал А.С. Гурович, а членами указанной партии в Берлине были Д.Н. Григорович-Барский, С.С. Крым, М.М. Липман, В.А. Оболенский, А.М. Кулишер. Отметим при этом, что практически все перечисленные лица либо были членами политизированных, «левых» масонских союзов Великого Востока народов России или Великого Востока Франции, либо (как и журналист Р.Б. Гуль) впоследствии вошли в Париже в русскую ложу Свободная Россия, которую в начале 1930-х гг. создал и возглавил М.С. Маргулиес.

Весной 1922 г. в русской берлинской ложе произошел конфликт, члены масонской мастерской отказались принять в свои ряды мусульманина и в знак протеста М.С. Маргулиес вышел из ложи. После этого, в 1924-1927 гг., мастером стула русской берлинской ложи стал присяжный поверенный А.Д. Лаврентьев (бывший сподвижник Маргулиеса по Радикальной партии), который уже не мог контролировать развитие ложи, а с 1930-х гг. жил уже в Шанхае, где входил в редакцию журнала «Понедельник» и был членом литературной секции Содружества русских работников искусства.

После выхода М.С. Маргулиеса из ложи руководящие посты в ней стали переходить к приверженцам консервативных политических взглядов. Одна из причин изменений заключалась в том, что в ложе довольно сильно было «правое» крыло, в которое входили сторонники вел. кн. Николая Николаевича (члены Общественного комитета по сбору средств в казну последнего): А.А. Давидов, А.С. Хрипунов, Ф.В. Шлиппе. Двое последних были в той или иной степени связаны с литературно-журналистской деятельностью: А.С. Хрипунов являлся сотрудником газеты «Возрождение» и журнала «Часовой», а Ф.В. Шлиппе впоследствии стал мемуаристом (неопубликованная рукопись его воспоминаний хранится в Бахметевском архиве).

Если монархисты составляли крайне правое крыло ложи, то С.А. Соколов-Кречетов (вошедший в ложу в первый год ее существования, одновременно с выходом М.С. Маргулиеса, с которым у него не было прямого конфликта) придерживался в начале 1920-х гг. умеренных взглядов, но они с каждым годом эволюционировали «вправо». Членом русской берлинской ложи стал и брат Соколова-Кречетова - Павел, также писатель, автор романа «Круги Судьбы». Братья Соколовы возглавили

«консервативную» группу в ложе и сильно изменили характер заседаний уже в 1923 г.

В этом году по приглашению С.А. Соколова-Кречетова ложу Великий Свет Севера посетил Ю.Ф. Семёнов (впоследствии масон в Париже, который одновременно с членством в ложе печатал критические статьи о масонстве). В том же 1923 г. С.А. Соколов-Кречетов предложил к посвящению в ложу известного философа И.А. Ильина. Тогда же к берлинской мастерской присоединился А.А. Бобринский, активный сотрудник английских газет. По рекомендации братьев Соколовых вошел в русскую берлинскую ложу и А.С. Яковлев, бывший редактор и издатель газеты «Кавказский край», но занявшийся коммерческой деятельностью в Берлине, учредитель и директор русского «Романтического театра», представитель «Архива русской революции» в Париже. Иными словами, братья Соколовы стали активно привлекать в ложу своих возможных союзников.

Одной из ключевых фигур в берлинской ложе стал еще один писатель, И.С. Лукаш, которого рекомендовал к принятию в масонство все тот же С.А. Соколов. Поскольку И.С. Лукашу было суждено сыграть немалую роль в формировании отдельной литературной группы в Берлине, связанной с масонством, постольку представляется необходимым опубликовать в максимально полном виде его «масонское» дело (опущены лишь «стандартные» масонские документы: л.14 – обязательство «не разглашать» масонские «тайны»; л.15 – опросный лист, из которого видно, что Лукаш жил в Берлине по адресу: BW 15 Pfalzburgerstrasse 8, bey Jvigan; л.16 – масонская клятва; л.17 – основные положения 1-й степени масонства, где подчеркивалась главная мысль: Царство Духа есть Святое Царство Бога слова живого). Дело печатается по автографу, который хранился: Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф.729. Оп.1. Д.68 (в дальнейшем указываются лишь номера листов, которые были частично перепутаны при формировании).

*

[Л.9:] 23 февраля 1923

Дост.:М.:Л.: «Великий Свет Севера»⁴

Дост.:М.:

Прилагаю при сем письмо ко мне ищущего Ивана Созонтовича Лукаша с просьбою помочь ему быть введенным в наш бр.:круг.

Со своей стороны должен сказать, что, зная этого человека близко, как хорошего патриота, и душу, высоко, высоко одаренную и томительно ищущую применения своих сил для служения высшим целям правды и блага, я считаю его вступление в высшей степени желательным и уверен, что И. Лукаш будет весьма и весьма полезным приобретением для нашего Дост.:братства.

С б.: приветом Ваш С. Кречетов-Соколов.

3го Марта 1923 г.

Поручительство за Ищ<ущего> Лукаша принимаю на себя.

Сер. Соколов (Кречетов).

---

⁴ Вероятно, письмо обращено к А.П. Веретенникову. Традиционные масонские сокращения (дост. м. – досточтимый мастер, в.к. – вольный каменщик, л. – ложа, б., бр. – брат, дост. – достопочтенный, м. – масонство) в дальнейшем не расшифровываются.

[Л.10:] 21 Февраля [1923.]

Дорогой и хороший Сергей Алексеевич, - хочу быть кратким и точным, но опасаясь, что самая тема письма несколько удлинит его. Наши добрые отношения и та цель, ради которой я пишу сегодня, - позволяют мне и обязывают меня быть откровенным вполне. Я знаю, что все сказанное не выйдет за наши пределы.

Как себя помню, - от юности моей, - чувствовал я в душе повелительную тоску по правде, по истине и красоте жизни. Почти до 30-ти лет жил я - стихийно, чувством и неясными хотениями, - вовсе не осмысливая жизни моей. Я любил жизнь и отдавался ее потоку - так, что она вела меня туда, куда хотела.

Почти как все, - веровал я с отрочества в революцию. Но революция привлекала меня всегда к себе своей патетической романтикой, а не охолощенной пустыней социалистической доктрины. Во всяком случае, - к марту 1917 года, - после революционного статуса в среднешкольных с.р. организациях 1907-1909 гг., - я был типичным интеллигентом-революционером. Незадолго до марта я женился. Личная жизнь моя, начиная с 18 лет, - проходила в тягостном ощущении ее неправды, ее сердечной лжи. А женитьба - эту ложь утвердила надо мной. Начались годы глубокой душевной неудовлетворенности. Я жил с зажатым ртом и сердцем.

Внутренне - я метался. В начале 1917 года ушел добровольцем на войну (где раньше, с 1915 года, бывал уже санитаром в передовых отрядах) - и поступил в гвардии Преображенский полк. После демобилизации, - бросился в борьбу с теми, против кого с неумолимой повелительностью всегда подымала меня моя совесть: я начал бороться, как мог, - с большевиками в 17^м - же году, в Петербурге, - я работал в подпольных газетах Комитета Гвардейских полков «Старая шинель» и после (после первого обнаружения) «Простреленная старая шинель», а затем, - вместе с Изгоевым⁵ в подпольной газете «Вперед». Работу - обнаружили. Надо было скрываться.

Я уехал на юг, в Киев. Работа моя в газетах гетманского времени, настроенных добровольчески, - привела к тому, что [Л.10об.:] петлюровцы арестовали меня на другой же день по занятии Киева, обвинив в государственной измене, т.к. - «приехал я на Украину с украинским паспортом, а защищал в статьях и вел пропаганду за Добровольческую армию, идущую против самостийной Украины».

Петлюра не успел судить меня, и я был выпущен из тюрьмы до суда, накануне прихода большевиков. Бежать от них не успел. У новых господ Киева я был, конечно, на подозрении, как буржуазный журналист, - только что сидевший в тюрьме «за контр-революцию». Мне пришлось поэтому играть роль лояльного советского поданного, даже поступить на советскую службу в Комиссариат продовольствия. Известие о внезапной смерти в Петербурге моего старшего брата и его жены, оставивших на улице двух детей, а также о расстреле в Петропавловской крепости мужа моей сестры - измайловского офицера, - надломило меня душевно. А в это

---

⁵ Изгоев Александр Соломонович (наст. фам. и имя - Лянде Арон) (1872 - 1935). Публицист, журналист, общественный деятель. Первоначально легальный марксист, позднее - социал-демократ. После Февральской революции 1917 г. член Партии народной свободы, решительный противник социалистических партий и, в первую очередь, большевиков. В 1922 г. был выслан из России за границу. Мемуарист.

время, в той квартире на Печерски, где я жил, - шли явки деникинских курьеров. Пришлось идти на все, чтобы спасти и дело, и себя. И я дошел даже до сношений с «красными» журналистами и согласился дать под псевдонимом, один чисто литературный мой рассказ в красный журнал, - как бы соглашаясь на покупку меня, моей души и таланта, - красными агентами. Обстановка была такова, что я мог это делать, но совесть моя болела и тогда, болит и теперь.

Поэтому, - когда пришли добровольцы, - я первым делом, сам, по собственному почину, нарядил над собой нечто в роде литературного суда - в составе философа Шестова, свящ^{енника} К. Агеева, журналиста Португалова (других не помню) - и был этим общественным судом за участие, - невольное и необходимое по обстановке, - в крас^{ном} журнале - оправдан вполне. Но совесть моя болела. Я чувствовал, что скрытая ложи, что подавленность личной моей жизни, - ведет меня и к ложному поведению вовне. И потому-то, несмотря на то, что легко мог освободиться от мобилизации - я в Киеве вступил в ряды белой армии. После короткой задержки фронта под Киевом, - мы начали стремительно откатываться на юг, к Одессе. Вступление в армию, - самым ходом событий, - освободило меня от тягостной неудовлетворенности личной жизни⁶.

[Л.13:] Еще раз скажу, - как помню себя, всегда я носил в душе тоску по правде, любви и красоте и вот теперь верю, что при Вашей дружеской поддержке, - я найду верный путь к тем светлым дверям правды и любви, за которыми, в глубине, - дыхание самого Бога живого. <...>

Ваш от всего сердца Иван Лукаш.

[Л.11:] *Cirriculum vitae*.

Я родился 30 марта 1892 года в Санкт-Петербурге, где служил мой отец. В молодости отец мой, Созонт Никонович, был натурщиком академии, а до этого участвовал в турецкой кампании 1877 года в рядах гвардии Финляндского полка. Мать моя - воспитанница художника Боголюбова, по происхождению крестьянка⁷, как и отец.

Отец мой скончался в 1903 году. Мать осталась в Петербурге и вестей о ней у меня с 1919 года - нет.

Я - православный и крещен св. крещением во имя Иоанна Лествичника. Отцу моему Высочайше пожаловано было звание потомственного почетного гражданина. Это звание ношу и я.

10^{ти} лет я поступил в СПб. Ларинскую гимназию, где раньше учился и мой старший брат Петр.

Революция 1905-1907 гг. - выбила меня из учебной колеи: из Ларинской гимназии в революционные дни я был исключен. Перевод мой в 10^{ую} СПб. гимназию - кончился также моим исключением. Пришлось переходить в частную гимназию Л.Д. Лентовской, которую я и окончил благополучно в 1912 году. С 1912 по 1917 гг. - мои университетские годы. За это время я прослушал курс юридических наук С.П.Б. университета, а также и курсы наук филологических.

С 1912-13 года - началась моя редакционная работа и литературное творчество. Первый мой рассказ «Любовь» - был напечатан в 1912 году в литературном приложении газеты «Современное слово», в которой я

⁶ Речь идёт о фактическом разводе с первой женой. От этого брака у И.С. Лукаша была дочь Наталья, оставшаяся в России.

⁷ Урожденная Орешкова.

сотрудничал вплоть до закрытия ее большевиками. В это же время я начал работать в газете «Речь», а несколько позже (во время войны) в журнале «Огонек» и Троицком театре, где шла моя пьеска «Ночной дозор». В эти же годы – я служил [Л.11об.:] в министерстве торговли и промышленности, сначала в канцелярии министерства, а потом в нефтяном отделе горного департамента, где за последнее время службы испол<нял> обязанности пом<ощника> столоначальника.

Когда началась война, в 1914-1916 г.г. – я службу оставил и ушел на фронт в передовые санитарные отряды, ведя также корреспондентскую работу для «Речи».

К началу 1917 года – приехал в С.П.Б. из-под Риги – держать государственный экзамен.

Ударила революция. Вначале я встретил ее, – неразумный, воспитанный в интеллигентских традициях, – как очистительную и светлую грозу. Временный Комитет Государственной Думы издал в это время мои брошюры о восстании в гвардейских полках – «Волынцы», «Павловцы», «Преображенцы», а также «Петроградский юнкер». Кроме того, я принял редактирование народной газеты Вр.К. Гос. Думы – «Труд и Воля», продолжая писать во многих других.

Нарастал – большевизм. Я в это время понял необходимость личной борьбы за Россию и добровольно вступил в ряды гвардии Преображенского полка.

После развала фронта – я продолжал быть в его рядах до демобилизации, принимая участие в попытках сбросить большевиков путем заговора гвардейских полков. Как делегат нашего тайного комитета (семеновцев, преображенцев, измайловцев, волынцев) – принимал близкое участие в антибольшевистской солдатской газете «Старая шинель», а когда нашу первую тайную типографию разгромили большевики-латыши, – в газете «Простреленная старая шинель». Ее также обнаружили и закрыли.

Вместе с Изгоевым, по поручению группы членов партии народной свободы – во главе, если не ошибаюсь, с П.В. Герасимовым, – потом расстрелянным, – мы выпускали в Петербурге, во время выборов в Учред<ительное> Собрание [Л.12:] подпольную газету «Вперед». Типографию обнаружили, кто-то из рабочих назвал мое имя, на квартире у меня были уже красноармейцы, о чем я был предупрежден. Пришлось скрываться и готовить отъезд.

В 1918 году выбрался на Украину. В Киеве, при гетмане, работал в газетах Добровольческого направления «Вечер» и «Утро». Гетмана сменил Петлюра. Я – немедленно, в первый же день прихода петлюровцев, был арестован. Выпустили меня из тюрьмы незадолго до прихода большевиков. Бежать было поздно. Во второй раз пришлось переживать большевиков.

При них я служил у них в народном комиссариате продовольствия, для маскировки передав даже один рассказ для красного журнала, – я вошел в связь с курьерами Добровольческой армии.

Приход добровольцев – определил всю дальнейшую мою жизнь. Несмотря на то, что я мог, конечно, – освободиться, как журналист, от солдатской службы, – я на мобилизацию явился, как солдат, и был зачислен младшим унтер-офицером во 2ой авиадивизион Добровольческой армии.

После менее, чем месячной стоянки под Киевом – началось отступление на Одессу. После последнего нашего боя 26 января 1920 года – Одессу оставили. На транспорте «Корнилов» вышли в море. Прибыли в

Крым. А 10 марта 1920 года – я по болезни (цынга, сердце) за расформированием части – был отчислен в Политический отдел пропаганды. Заведовал пунктом пропаганды в Керчи, вышел вскоре в отставку и вновь отдался работе в газетах «Таврический голос» и «Крестьянский путь». Последний № «Крест<ьянского> пути» я выпустил в Симферополе за два дня до прихода большевиков. Эвакуировался с крайним [Л.12об.:] трудом, в последнюю очередь, при содействии американцев на их пароходе «Faraby».

С 1921 года – началась эмиграция. В Константинополь меня привезли больным. Около четырех месяцев болел я и сыпным и брюшным тифом вместе. Едва выжил. На ноги встал и вскоре окреп, получив работу в Союзе Городов и сотрудничество в «Общем деле». В эмиграции я немедленно вернулся к армии, пытаюсь приносить ей посильную помощь. После пребывания в Галлиполи я написал о нем первую мою книгу «Голое поле», вышедшую в свет в Софии, в Болгарии. Когда армия ушла на Балканы, я уехал за нею. Получил приглашение штаба армии – принять участие в информационной работе и я из Софии, переехал в ставку ген. Кутепова, - в Тырново. В то же время – заведовал информ<ационным> отделом в Тырновском отделении Земского союза.

В 1922 году политика болгарского правительства привела к тягостному конфликту: началось систематическое уничтожение армии, начались высылки и аресты. После высылки ген. Кутепова, членов штаба, лиц командного состава, - начались наши аресты. Пришлось снова скрываться, как в Петербурге. Я уехал в Варну счастливо: в мое отсутствие пришли болгарские жандармы меня арестовывать.

Из Варны через Софию, я выехал в Берлин, имея германскую визу. Здесь живу – литературным трудом.

Личные испытания и духовные потрясения, которые пережил я за все мое недавнее прошлое и о которых я не считаю необходимым писать здесь, привели меня в упор к большой литературной работе, которую я начал еще в Константинополе. За годы эмиграции, не останавливаясь на моем сотрудничестве в газетах «Руль», «Сегодня» и пр. – мною написаны и вышли в свет:

книга о Галлиполи – «Голое поле»,
в альманахе «Веретено» поэма-повесть «Государь»,
поэма-роман «Дом Усопших»,
мистерия-роман «Дьявол»,
в Романтич. альманахе – поэма-повесть (выходит в свет) «Записки поручика Четвергова»,
в журнале «Русская мысль» «Смерть короля», «Золотой Век», поэма-повесть «Смерть», (выходит в свет) поэма-повесть «Солнце», в журнале «Жар-птица» рассказ «Облако» и т.д.,
в альманахе «Медный Всадник» – «Повесть о госпоже Марии-Анне Коллот» (выходит в свет).
24 Февраля 1923 года,
Берлин.

[Л.8:] ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

Я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь полученные мною от Л.: «Великий Свет Севера» в Берлине или какой-либо другой м .:Л.: знаки отличия, одеяние, печатные и письменные произведения в случае моего

выступления из Л.:, за исключением случая моего перехода в другую м.:Л.:, возвратить в ту Л.:, членом которой я был в последнее время.

На случай моей смерти обязуюсь сделать распоряжение о том, чтобы мои наследники озаботились передать все вышеуказанные вещи и предметы той Л.:, которой я буду в последнее время принадлежать, за исключением тех случаев, когда мною будут сделаны какие-либо иные распоряжения, как то передача их какой-либо другой признанной м.:Л.: или какому-либо из Брр.:в.-ков.

Это обязательство моих наследников распространяется также и на все м.:книги и мои личные письма, заметки и т.п. по м.:вопросу; если бы мои наследники за передачу этих последних предметов пожелали получить какое-либо вознаграждение, то размеры его представляю определить соответствующей Великой Л.:

Иван Лукаш

Берлин, 10 дня Марта месяца 1923 г.

[Л.7:] Работа Ученика Бр.:Лукаша при производстве во II Ст. 17^ю октября 1923 г.

1. Почему м.: пользуется символами в своем учении?

Потому, что сам орден построен на идее строительства, определяемого системой символов и потому, что язык Бога есть язык символов. Все земное существование – символ.

2. Каков символ Ученика?

Неотесанный, подлежащий обработке, камень.

3. Почему с Ищущего перед приемом снимают все ценные предметы?

Чтобы показать ничтожество благ земных в глазах Братства Вольных каменщиков.

Иван Лукаш.

[Л.6:] Бр.:Лукаш.

Работа при производстве в III^ю степень, Брата Лукаша⁸.

1) Что должен понимать В.К.: под словами «Страх Божий»?

Под словами страх Божий – не должен вольный каменщик понимать ужас перед Богом. Страх Божий – это стремление всем существом своим не свершать того, что могло бы быть неудобно Богу.

2) Какое значение имеет искусство для жизни?

Искусство чрез Красоту ведет к познанию Истины, Правды и Добра. Люди, следуя за художником, впитывая творения его, стремятся вместе с ним от вершин Красоты к воротам Истины, Правды и Добра.

3) Как должен отдельный В.К.: работать для смягчения социальных шероховатостей?

Доводить свою личную работу в обществе до возможно высшей ступени духовного совершенства и относиться решительно ко всем людям так, чтобы общением с ними будить в них мысль о духовном благородстве и достоинстве Его Величества человека.

Иван Лукаш.

[Л.5:] 3 Декабря 1925 г.

---

⁸ Возведение И.С. Лукаша в 3-ю степень произошло 6 февраля 1924 г.

Рига

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич, настоящим имею честь решительно заявить Вам, с просьбой передать про мое заявление глубокоуважаемому Александру Дмитриевичу, что возводимая на меня клевета будто я был «негласным представителем Ватикана в Берлине» (!?) отнюдь ни на чем не основано, что масонским словом и подписью своей подтверждаю

Иван Лукаш.

Вещи и паспорт пришлю при первой возможности.

[Л.3:] 12 июля 1927 Bellevue

Досточтимый Мастер, глубокоуважаемый Александр Дмитриевич.

Я никогда не забывал Вас. Писал Вам и просил всегда кланяться. К.А. Крузенштерн – также послал Вам три письма, но они скорее, что не дошли.

Мой теперешний адрес: France, 6 Rue Louis Blanc, Bellevue, S. et O.

При этом, по долгому раздумии, имею честь послать и письмо Вам, как Мастеру.

С глубоким уважением Иван Лукаш.

Горячо и сердечно кланяются Вам мои Тамара и Вера⁹.

[Л.4:] 12 июля 1927 года, Франция, Bellevue

Досточтимый Мастер, не имея возможности жить в Берлине и не имея также материальных возможностей на расстоянии нести взносы в ложу, не будучи ей полезен в настоящее время, - прошу разрешения Вашего мне – ложу покрыть¹⁰.

С глубоким уважением и братским приветом брат Иван Лукаш.

P.S. Надлежащий документ при сем возвращаю, знаки вышлю по Вашему запросу¹¹.

Еженедельные заседания в масонской ложе Великий Свет Севера ряда литераторов, общая атмосфера собраний вольных каменщиков не могли не повлиять на общественно-политические взгляды, например, С.А. Соколова или И.С. Лукаша, по чьей рекомендации в 1924 г. в масонство принимают еще одного литератора, В.Е. Татаринова. Почти одновременно с вхождением в русскую берлинскую ложу И.С. Лукаш и В.Е. Татаринов переходят из литературной группы «Веретено» в издательство «Медный всадник» и входят в «тайный» (антибольшевистский) литературный кружок. Хотя издательство и альманах С.А. Соколова-Кречетова традиционно считаются «консервативными», однако не следует забывать, что тот же В.Е. Татаринов одновременно с масонством входил в Республиканско-демократическое объединение, подозревался в связях с группой Ксюнина-Маслова, а впоследствии был генеральным секретарем Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. Иными словами, определяющей для формирования литературных групп в Берлине в 1922-1924 гг. была «степень антибольшевизма» и лишь впоследствии какую-то

⁹ Речь идет о 2-й жене И.С. Лукаша (браак был заключен 6 августа 1922 г. по армяно-грегорианскому обряду в Варне) Тамаре Львовне Унаньян (28.8.1900, Ростов-на-Дону – 29.1.1974, Каракас) и их дочери, в замужестве Панченко.

¹⁰ Официально И.С. Лукаш был исключен из берлинской ложи «за невзнос платы» еще до отправления письма, 1 июля 1927 г.

¹¹ К письму (Л.1-2) приложен масонский патент 3-й степени, выданный И.С. Лукашу берлинской ложей Великий Свет Севера 5 сентября 1925 г.

роль стали играть и «национальные настроения». В этой связи следует сказать, что В.Е. Татаринов, в свою очередь, привлек в ложу Е.А. Кумминга, с 1924 г. члена Союза русских журналистов, в 1929-1930 заведующего коммерческой частью газеты «Руль», а с 1933 г. редактора-издателя «русской национальной газеты» в Берлине «Наше слово».

В 1923 г. литературная группа, в которую входили И.С. Лукаш и С.А. Соколов-Кречетов, собиралась в помещениях Русского национального союза и Русского национального студенческого союза. Следует уточнить, что формирование литературной группы произошло ранее создания «писательской» группы в ложе. 8 ноября 1922 г. в Берлине было создано Братство круглого стола, в которое вошли в частности И.С. Лукаш, С.А. Соколов-Кречетов, В.Е. Татаринов¹². 12 ноября того же года эти же литераторы из-за несогласия с просоветскими взглядами А.Н. Толстого и И.М. Василевского (Не-Буквы) вышли из «Веретена». Связи между берлинской ложей и писательскими организациями несомненно были. Например, в 1925 г. А.К. Элукен выступил с докладом о тайне Хеопсовой пирамиды первоначально в русской берлинской ложе, а затем в местном Литературно-художественном кружке¹³.

Финансовый кризис, изменение политической обстановки в Германии и ряд других широкоизвестных факторов заставляли русских эмигрантов покидать страну. Русские масоны не были исключением, Берлин покидают большинство членов ложи, в том числе её бывшие руководители: А.П. Веретенников, П.А. Соколов, А.Д. Лавреньев и другие.

Следует также сказать несколько слов о дальнейшей масонской судьбе И.С. Лукаша, С.А. Соколова и русской ложи Великий Свет Севера.

И.С. Лукаш после выхода из берлинской ложи, в мае-июне 1928 г. присоединяется к работам парижской русской ложи Астрея, а в 1930 г. занимает в ней даже низшую «офицерскую» должность привратника. Лишь в 1933 г., после обострения политических споров уже в русском парижском масонстве, приблизительно в то же время, что и П.А. Соколов, И.С. Лукаш выходит из рядов вольных каменщиков.

10 марта 1932 г., после того, как сведения о его участии в ложах просочились в печать, из берлинской мастерской уходит и С. А. Соколов-Кречетов. Сам литератор объяснил свое решение тем, что усилия масонства по борьбе с «красной угрозой» недостаточны, но в действительности главным фактором была боязнь репрессий со стороны фашистов. С.А. Соколов уезжает в Париж, где уже не решается посещать заседания лож.

Следует сказать, что прекращение деятельности русских масонов в Берлине было непосредственно связано с установлением фашистского правления в Германии. В январе 1933 г. ложа Великий Свет Севера «в знак протеста против попытки» своей Великой Ложой (Трех Глобусов) «занять примирительную позицию по отношению к расизму» приостановила свои работы¹⁴. Руководящие немецкие ложи в это время даже в своих названиях отказываются от масонства, так руководящая ложа Трех Глобусов была переименована в Национальный христианский Орден Фридриха Великого, а Великая Ложа вольных каменщиков Германии в Германский христианский Орден храмовников¹⁵. С приходом фашистов к власти стало

¹² См.: Хроника; Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian years. Princenton, 1990. P.200.

¹³ См.: Хроника.

¹⁴ См.: Русский Вольный Каменщик (Париж). 1946. № 1. С.21.

¹⁵ См.: Последние новости (Париж). 1933. 18 августа. № 4531. С.2.

ясно, что двухвековая традиция Ордена вольных каменщиков в Германии будет прервана. В марте 1933 г. ложи заявили протест в Министерство внутренних дел по поводу распространения слухов о связи масонства и коммунизма, но этот шаг лишь ускорил выход братьев из лож¹⁶. 10 апреля 1933 г. ложа Великий Свет Севера официально заявила о прекращении работ, а 19 октября 1935 г. все ложи в Германии были закрыты. Возродиться русское масонство в Германии уже не смогло.

Масонство повлияло не только на становление общественной позиции ряда русских писателей, живших в Германии, но и на их литературные произведения. Если говорить о С.А. Соколове-Кречетове, то можно сказать о его лекциях об оккультизме и о том, что вряд ли случайно его третья книга стихов получила название «Железный перстень» (масонский символ; членом одноименной ложи в Нижнем Новгороде и собратом С.А. Соколова по ложе в Берлине был С.Г. Поляк). Несомненно сильны «масонские» мотивы в творчестве и главного героя публикации – И.С. Лукаша. Перечислим лишь некоторые произведения писателя, где такие мотивы отчетливо прослеживаются: романы «Бел-Цвет» и «Пожар Москвы», повесть «Граф Калиостро», сборник «Дворцовые гренадеры». Даже личные качества Лукаша-вольного каменщика нашли отражение в литературе, его мистицизм был отражен в образе беллетриста Бубнова в романе В.В. Набокова (соавтора Лукаша) «Подвиг».

---

¹⁶ См.: Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф.729. Оп.1. Д.29. Л.12.